

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИСТОРИЯ
И КУЛЬТУРА
ЦЕНТРАЛЬНОЙ
АЗИИ

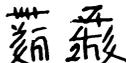
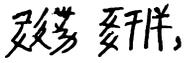

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1983

КТО ТАКИЕ ПХИНГА И НИНИ?

(О двух группах лично несвободного населения
в тангутском государстве)

Еще из китайских источников мы знали о наличии в тангутском государстве ряда групп лично несвободного эксплуатируемого населения¹. Помимо тех людей, которых китайские источники именовали прямо рабами, речь шла о зависимых и лично несвободных, которые работали на буддийские общины и храмы. Эти зависимые, называвшиеся "постоянно живущими", по-тангутски "юнджие", несомненная калька с китайского "чанчжу", упоминаются и в тангутских первоисточниках, в тексте двуязычной надписи храма Ганьинта из Лянчжоу², и под разными названиями - "постоянно живущие при Будде", "постоянно живущие при буддийских общинах", "государевы и частные постоянно живущие всех общин", "постоянно живущие для поддержки общины" - в тангутских законодательных памятниках³. Хотя реальное положение "постоянно живущих" в тангутском государстве еще детально не исследовано, институт этот, известный из китайских источников, в частности документов из Дуньхуана⁴, не являлся специфически тангутским, поэтому мы и не будем останавливаться на нем. Укажем только, что "постоянно живущими", по-видимому, могли быть и государевы и частные люди, приданные буддийским общинам, на которых их хозяева в каких-то случаях еще не утрачивали прав собственности.

В данной статье мы попытаемся выяснить положение двух групп лично несвободного населения тангутского государства - пхинга и нини - до этого науке совершенно неизвестных, но чаще других встречающихся в текстах на тангутском языке. Основным источником нам будет при этом служить "Замененный и заново утвержденный кодекс законов [деви́за царствования] Небесное процветание" (II49-II69)⁵.

В тангутском государстве Великое Ся (китайское Си Ся,

Западное Ся) (982-1227) подневольные люди входили в стандартный перечень видов собственности любого лично свободного человека: "скот, зерно, ценности, имущество, земля, люди"⁶ - и приравнивались в данном случае к вещам и скоту владельца. Встречаются и более конкретные формулировки, в которых понятие "люди" уточняется, например, "постройки, пахотные земли, пхинга, нини, и прочий скот, и имущество, принадлежащие любому человеку"⁷. Следовательно, пхинга и нини входили в число "людей", лиц подневольных, лично несвободных, возможно составляя значительную часть последних. Кроме упомянутых выше "постоянно живущих", а также пхинга и нини в тангутских законах очень часто встречается упоминание о "государевых людях", для уточнения состава и правового статуса которых требуется еще дополнительные исследования. Людями в тангутском государстве свободно торговали, и не только хозяева могли продавать тех людей, которые принадлежали им, но и в определенной ситуации лично свободные главы семей, "хозяева" по тангутской терминологии, могли продать члена своей семьи, человека ранее свободного, хотя это и не одобрялось законом. "Если родственник младшей степени родства продаст кого-либо из числа родственников старшей степени родства, - читаем мы в кодексе, - деда, бабуку, отца или мать, то зачинщик подлежит смертной казни путем обезглавливания"⁸. Особых указаний о мерах наказания родственника старшей степени родства за продажу родственника младшей степени родства нет. Людей можно было продавать, но считаясь с их статусом в системе кровнородственных отношений. Запрещалась лишь категорически продажа людей за границу, это наносило ущерб своей стране и поэтому приравнивалось к предумышленному убийству⁹.

Продажа главой семьи в исключительных случаях ее членов в неволю служила, как свидетельствуют тангутские материалы, одним из источников пополнения рядов пхинга и нини. В рукописной книге без начала и конца, не имеющей заглавия, содержание которой сводится к кратким записям сути императорских указов, решений императора как верховного судьи государства по разным делам, на основании ко-

торых предлагалось решать подобные дела в дальнейшем, есть запись от II64 г., в которой сообщается, что в северных районах страны последние два-три года оказались дождливыми, хлеба вымокали и гнили, народ голодал и многие "люди своих жен, дочерей, сыновей и прочих родственников в соответствии с законом продавали другим людям в пхинга и нини"¹⁰. Таким образом, одним из известных нам источников появления людей пхинга и нини (надо думать, всех основных народностей, населявших государство Ся: тангутов, тибетцев, китайцев и уйгуров) была купля-продажа сограждан, свободных людей в зависимое состояние. Вторым постоянно действующим источником новых пополнений рядов пхинга и нини, о котором мы также знаем из тангутских материалов, было обращение в это состояние военнопленных. "Если наш человек, твердою рукой пленив врага, сделал его пхинга или нини, а потом его врага родственники покорились государству Ми (тангутов)... то в соответствии с законом они должны быть соединены со своим попавшим в плен родственником, а владельцу человека в возмещение убытка в соответствии с законом из ближайшего государева скота, зерна, имущества должна быть выдана действительная стоимость пленного"¹¹, т.е. тех поработанных военнопленных, родственники которых добровольно последовали за ними в плен, казна (государь) выкупала у пленивших данных людей лиц. Это было выгодно тангутам: государство приобретало вместо одного подневольного целую семью подданных-налогоплательщиков. Прочие военнопленные, родственники которых не захотели или не смогли переехать, скажем, из государства чжурчженей Цзинь в тангутское Ся, оставались в состоянии порабощения, собственностью своего хозяина. Купить человека, не подданного тангутского государства, было нельзя. "Любому человеку запрещается покупать человека-чужеземца", - гласил закон. За незаконную покупку полагалось два года каторжных работ. Купить чужеземца можно было только в исключительных случаях с разрешения власти"¹².

Итак, пхинга и нини были лично несвободными людьми, купленными у соплеменника или захваченными в плен и при-

надлежащими "хозяину", свободному "простому человеку", т.е. лицу, не имевшему чиновничьих рангов, или чиновнику или военнотружашему, "имевшему ранг". Они отличались от "государевых людей" прежде всего тем, что принадлежали "какому-то", "всякому", "любому" человеку, как многократно указывается в кодексе. Как все формы собственности юридически подразделялись в тангутском государстве на две главные - "государеву" и "частную", так и подневольные люди делились на "государевых" и "частных" людей. "Если государев или частный человек, женщина или мужчина, бежал, а какой-то человек задержал его, то он должен отправить его туда, откуда этот человек бежал"¹³. Пхинга и нини отличались от "государевых людей", судя по всему, прежде всего тем, что они принадлежали именно частным лицам. "В том случае, когда какой-либо человек из числа тех, кого вынудили сменить гвон"¹⁴, знал о том, что посредник, ведущий об этом переговоры, и писец, оформлявший документ на смену гвона, взяли взятки, то независимо от размера взятки, если вынудили сменить гвон государева человека, то ему выносятся наказание на две степени меньшее, чем пособнику преступника, а если вынудили сменить гвон пхинга, то соответственно ему выносятся наказание на одну степень меньше, чем наказание пособнику преступника. Если человек, которого вынудили сменить гвон, не знал о взятке, то наказание не подлежит"¹⁵. Государев человек зависел только от администрации, а пхинга и нини имели хозяина, к защите которого они должны были прибегнуть, поэтому-то они строже и наказывались за свою осведомленность о переводе их из одного гвона в другой за взятку.

Любопытно, что поскольку в "Измененном и заново утвержденном кодексе" не выделяется в особую группу собственность рода императора, его семьи (домениальная, удельная), а все, не принадлежащее частным лицам, считается государевым и при этом государево не различается от государственного, то позже, в начале XIII в., в "Новых законах" мы сталкиваемся с такими туманными формулировками, как указание на то, что имущество императрицы Чжэнь-гун

рассматривается и не как государеве и не как частное, так как, являясь частным, оно одновременно находилось под государственным управлением. Это положение распространилось и на пхинга и нини императрицы, ибо и они "в отличие от пхинга и нини любых хозяев" при привлечении их к следствию не могли выступать свидетелями по делу лиц себе подобных¹⁶.

Государев человек мог по своей доброй воле выдать замуж за пхинга тетку по отцу, сестру или дочь¹⁷. При этом появившиеся на свет от такого брака дети обоого пола, во всяком случае при выходе замуж за принадлежащего частному лицу пхинга государевых девушек-мастериц, становились государевыми людьми: "Если государевы девушки - девушки, следящие за порядком в жилых покоях [государя], девушки, вышивающие шелком, ткущие сукна и холсты, девушки из Начжоу и другие, не могущие иметь мужей, по своей воле с обоюдного согласия [с мужчиной] заведут семью и нарожают детей, то дочери могут оставаться с матерью и могут быть проданы [замуж] по [ее] желанию. Что же касается сыновей, то, если мужчина, создавший [такую] семью, был искони государев человек, [его сыновья] должны быть зачислены во вспомогательные войска, а если [он] пхинга, то [его] сыновьям становиться тоже пхинга не разрешается. [Они] по желанию могут войти в число государевых людей, служащих во вспомогательных войсках"¹⁸. Приплод оставался за самкой, и сын от брака государственой девушки и лично несвободного, принадлежащего частному лицу пхинга мог стать тоже только государевым человеком, а не собственностью хозяина отца. Этот закон - приплод того, кому принадлежит мать, - был общим и равно распространялся на скот и лично несвободных женщин: "Если какой-то человек купил самку животного или женщину, не зная, что они краденые, а у купленной самки родился детеныш и не погиб, а находится вместе с ней или если у женщины окажется ребенок, который родился [уже у нового владельца], то [и] детеныш животного, и ребенка [равно [вместе с матерями]] подлежат возврату прежнему владельцу"¹⁹.

Пхинга и нини упоминаются то в паре, то отдельно. Чем они отличались друг от друга? Ключ к решению вопроса мы

находим в материалах, цитированных выше. Государев человек мог выдать женщину, члена своей семьи, замуж только за пхинга, а не за нини, государевы девушки могли выйти замуж за пхинга - нини снова в данном тексте не упоминаются. Только пхинга упоминаются в статьях кодекса, связанных с армией: "Пхинга, принадлежащий любому человеку, может обратиться с просьбой к хозяину, и если обращение его искренне и добровольно, то там, где [он] желает стать служащим вспомогательных войск при [лицах] любой категории, [он] может стать [таковым]. Если же кто-то из таких сам добровольно пожелает стать солдатом регулярной армии, с тем чтобы быть в числе тех, кто выполняет при армии тяжелые работы, то [ему] это тоже должно быть дозволено и [такой пхинга] должен быть списан [со своего хозяина]"²⁰. "Если имеются пхинга, принадлежащие любому человеку, те, которых хозяин сам добровольно включил в число служащих вспомогательных войск, или если сам [хозяин] добровольно отпустил [их], дал [им отпускное] удостоверение и они добровольно стали служащими вспомогательных войск при лицах любой категории, или же [в их числе] оказались желающие стать солдатами регулярной армии, быть среди тех, кто выполняет в армии тяжелые работы, то [всв это] делать дозволяется и [данные пхинга] должны быть списаны [со своих хозяев]"²¹. И еще: "В том случае, когда пхинга, насильно сорвав с [них] одежды, изнасиловал жену хозяина или кого-то из женщин, принадлежащих к той же семье, - тетку по отцу, сестру, дочь, невестку, племянницу, мать, внучку [хозяина] или какую-то из женщин, принадлежащую к этой семье, [родственницу хозяина], по которой ему положено носить годичный траур, то [виновный] подлежит смертной казни путем обезглавливания. Если же женщина вступила в интимную связь [с пхинга] с ее добровольного согласия, то пхинга подлежит смертной казни путем удушения, а женщина должна быть наказана пожизненными каторжными работами"²². Таким образом, пхинга предстает перед нами как солдат, насильник, с вратитель, т.е. лицо мужского пола. В некоторых других статьях

кодекса пхинга выступает как глава семьи, каковым мог быть только мужчина. Эти статьи мы процитируем ниже.

Итак, пхинга мог быть мужем, главой семьи, служить в армии, т.е. являлся мужчиной. Подчеркнуть это обстоятельство мы вынуждены потому, что тексты свидетельствуют о том, что пхинга и нини противостоят друг другу не как две разные по статусу категории лично несвободного населения Ся, а как несвободные мужчины (пхинга) несвободным женщинам (нини). Нижеследующий ряд статей говорит о том, что нини — это лично несвободные женщины, принадлежащие частным лицам.

"Когда какой-либо человек, украв чужую жену, уведет ее вместе с детьми или уведет чужих нини, бежит и уйдет во вражеские пределы и если [такая] женщина не пожелает добровольно [принадлежать] тому мужчине или [тот] мужчина погибнет, то в том случае, если женщина или нини пожелают вступить в сговор с другими людьми, сбегут и покорятся государству Ми (тангутов), то они должны принадлежать тому мужчине, который [их] привел"²³. Если же "женщина или нини по своей инициативе будут желать возвратиться к своему прежнему мужу или хозяину и вместе с другим человеком придут и подчинятся государству Ми (тангутов) и окажутся свидетели и доказательства того, что [они] действительно с самого начала не желали принадлежать тому, с кем они вместе пришли, то тот, кто привел [их], не имеет права [их] получить, и [они] должны быть возвращены своему прежнему мужу или владельцу"²⁴. Если пхинга выступает как насильник, то нини — объект насилия. В тюрьме, если тюремный надзиратель изнасиловал заключенную из числа нини или проститутку, виновному полагалось в наказание шесть лет каторжных работ. Если же надзиратель вступал в тюрьме в интимную связь с нини, с которой у него такая связь существовала еще до ее ареста, то мера наказания виновному уменьшалась до шести месяцев каторжных работ²⁵. "Любой женщине запрещается становиться монахиней, не получив на то разрешения. Если закон будет нарушен, то в том случае, когда у [виновной] есть хозяин и она является нини другого человека, [ей]

четыре года каторжных работ²⁶. Наконец, хозяин мог вступить в интимную связь с нини, иметь от нее детей и пожелать считать их своими законными детьми. В упомянутой уже рукописи без заглавия под 1168 г. записан следующий случай. Некий Хэнь Ахоу, начальник управления хранения прошений и петиций к государю (гуйсясы), приняв от своей нини двух детей и заявил, что он желает сделать эту нини по имени Нанджике своей женой, а сына и дочь объявить законными детьми. Император, вынося решение по этому делу, запретил Хэнь Ахоу брак с его нини. Мотивировка была такова: подобный брак ведет к смещению "благородных и подлых"; получается, что у детей отец благородный, а мать из "презираемых", как же дети в семье будут почитать свою мать? Кроме того, и все родственники Хэнь Ахоу попадут в неловкое положение, так как "презираемая", "подлая" (ср. кит. "цзяньминь", яп. "сэммин") станет их ближайшей родственницей. Наконец, Хэнь Ахоу хотел сделать свою нини женой, а детей от нее своими законными детьми, не принеся жертв духам, т.е. не совершив обряда приобщения их к своему очагу, своей семье²⁷. Вместе с тем такие браки буквально на следующий год были разрешены "Измененным и заново утвержденным кодексом законов": "В том случае, когда любой человек распорядится считать принадлежащую ему нини женой и у него родятся от нее дети, то, если, сделав эту нини женой и приняв от нее детей, Он преподнесет небесному духу-хранителю треножник, придет мешок с дарами и совершит поклонение с просьбой об избавлении от бед, то эта нини и рожденные от нее дети могут считаться вместо Его жены и детей. Если же Он не принесет даров небесному духу-хранителю и не совершит поклонение с просьбой избавления от бед, то эти дети не могут считаться Его законными детьми"²⁸.

Следовательно, мы можем установить: упоминаемые тангутскими первоисточниками пхинга и нини были людьми лично несвободными, они принадлежали частным лицам, чем отличались от "государевых (государственных) людей", они не представляли собой две разные социальные группы с раз-

ным правовым статутом, а являлись лично несвободным, принадлежащим частным лицам мужским (пхинга) и женским (нини) населением государства тангутов. Лично несвободные в государстве Ся различались по полу, как "ну" - "рабы" и "бэй" - "рабыни", "буцуй" - "несвободные мужчины" и "кэнйи" - "несвободные женщины" с более привилегированным статусом, чем рабы в Китае²⁹, как "холод" - несвободный мужчина и "раба" - несвободная женщина в текстах времен Киевской Руси³⁰. Именно поэтому пхинга и нини часто упоминаются в наре там, где их противопоставление по полу не имело существенного значения, ибо статус их вне этого естественного различия во многом совпадал. К выяснению его мы и приступим.

Общее положение пхинга и нини по отношению к хозяину, насколько это отражено в нашем кодексе, носило - теоретически - в определенной мере двойственный характер. Эта двойственность выражалась в том, что, с одной стороны, пхинга и нини приравнивались к скоту и имуществу, входя, как мы уже показывали выше, в стандартный перечень объектов собственности: "скот, зерно, имущество, земля, люди". В данном перечне они были ближе к скоту, во всяком случае нини, так как на нее распространялось правило о приплоде от самки животного, всегда принадлежавшем ее владельцу. Соответствующие статьи уже цитировались, можно привести еще одну, в общей форме подтверждающую это правило: "Если государевы и частные люди, женщина и мужчина, совратят один другого и убегут вместе, то те дети, которые родятся у убежавшего мужчины от бежавшей с ним чужой жены, должны уйти вместе с матерью, а сама женщина должна быть отдана своему владельцу. Отпускать детей с отцом не разрешается"³¹. Если пхинга без разрешения хозяина выдавал замуж женщину из своей семьи, то "дети, родившиеся у каких-то из этих уже проданных женщин, вместе с ними должны быть возвращены владельцу"³².

С другой стороны, пхинга и нини в некоторых ситуациях приравнивались к членам семьи хозяина, в особенности к свойственникам - жене, невестке и т.д.: "Когда какой-либо человек в доносе сообщал, что члены семьи, родст-

венники, а также пхинга или нини всякого человека, совершившего какое-то преступление, были в числе тех, кто совещался [о совершении этого преступления] или знал [о нем]..."³³. В "Новых законах" говорится: "Если жена, невестка, пхинга или нини оклеветают в ложном доносе мужа или хозяина, то виновных клеймят, бьют палками, надевают на них железный ошейник и осуждают на восемь лет каторжных работ, а после отбытия срока наказания возвращают мужу или хозяину"³⁴. Статья о наказании пхинга за изнасилование им жены или какой-либо женщины из семьи хозяина, "по которой ему положено носить годичный траур"³⁵, свидетельствует о том, что пхинга должен был носить траур в случае смерти хозяина или какого-либо члена его семьи, т.е. рассматривался не просто как собственность хозяина, а как лицо, состоящее с ним в отношениях, носящих характер родственных. В случае убийства хозяина пхинга и нини приравнялись к жене, убитой мужа: "Если женщина убьет мужа, а пхинга или нини убьет хозяина", то виновные наказываются смертной казнью путем обезглавливания³⁶. При этом в отступление от правил ведения следствия донос об убийстве хозяина пхинга или нини принимался и при отсутствии свидетелей, а рассмотрение дела велось даже при отсутствии доказательств³⁷.

Хозяин по закону не имел над своими пхинга и нини абсолютной власти вплоть до физического уничтожения своей собственности по своей воле. За преднамеренное убийство пхинга или нини хозяином последний подвергался суровому наказанию: "Если пхинга или нини, не имея права доносить на своего владельца или хозяина, скажут постороннему человеку о том, что тот задумал совершить преступление, а посторонний человек донесет о том и, несмотря на то что преступление было совершено или не было совершено одинаково, [хозяин за это] преднамеренно убьет [пхинга или нини], то за одного убитого [виновному] восемь лет, а за двух и более одинаково десять лет [каторжных работ]"³⁸. Наказывался хозяин и за преднамеренное причинение пхинга или нини ранения или увечья: "Если хозяин поранит пхинга или нини глаз, ухо, нос, ногу, руку,

палец и делает их инвалидами, то виновному пять лет каторжных работ. Если отрезет по суставу руку или ногу, перережет сухожилия - то шесть лет, если выколет оба глаза, отрезет обе ноги или обе руки или перережет на них сухожилия - то восемь лет. Если же от причиненных им ранений пхинга или нини умрут - то десять лет каторжных работ"³⁹.

Надо сказать, что данные статьи наказывали хозяев лишь за очевидно преднамеренное или изверское причинение пхинга или нини увечья и их убийство. Совсем иначе действовал закон в случае "нечаянного" причинения хозяином пхинга или нини ранения последним или даже их смерти от побоев хозяина, особенно в том случае, когда имело место непослушание пхинга или нини своему хозяину. Если хозяин, наказывая пхинга или нини за непослушание, причинял своей жертве ранение, т.е. попросту калечил их, то имеющий ранг штрафовался одной лошадью, а простой человек наказывался тринадцатью ударами палкой. Если же избитые пхинга или нини умирали от побоев, хозяин наказывался всего шестью месяцами каторжных работ"⁴⁰. В свою очередь, пхинга, например, только за отказ явиться на зов хозяина получал год каторжных работ: "Если принадлежащий любому человеку пхинга не явится на его зов или откажется служить ему, то виновному один год каторжных работ"⁴¹. Заметим, что, строго преследуя преднамеренное убийство хозяином пхинга или нини, государство в известной мере заботилось о своем благосостоянии - точно так же, как по указанной нами ранее аналогии со скотом оно в законодательном порядке преследовало немотивированный убой крупного рогатого скота хозяевами по их произволу на мясо: "Когда любой человек зарежет на мясо принадлежащих ему лично корову, верблюда или лошадь, то за молодое или взрослое животное безразлично: за одно зарезанное животное виновному - четыре года, за двух - пять лет, за трех и более - одинаково шесть лет каторжных работ"⁴². Несмотря на защиту закона, в определенных ситуациях жизнь пхинга или нини целиком зависела от воли хозяина, ибо последний всегда легко мог обвинить их

в непослушании, а если шла речь о хозяевах - крупных чиновниках и военачальниках, то они, убив своего пхинга или нини, могли остаться вовсе безнаказанными, так как то легкое наказание, которое предусматривалось законом за непредумышленное убийство хозяином пхинга или нини, на основании действующего законодательства легко снималось с них совершенно благодаря их высокому рангу. В крайнем случае они имели возможность откупиться от наказания.

С другой стороны, тангутское правосознание, приравнивая в чем-то лично несвободных людей пхинга и нини к скоту, все-таки в большей мере включало их в состав хоть и находящихся на особом положении, но членов семьи хозяина. Наказание хозяину за предумышленное убийство пхинга или нини было лишь на два года меньше, чем за убийство кого-то из его детей или невесток. Помимо указанных выше примеров приравнивание в определенных сферах правового положения пхинга и нини к младшим членам семьи хозяина особенно четко видно из законов о кражах и праве доноса на хозяина.

Тангутское право, вслед за китайским, рассматривало кражу имущества одним кровным родственником у другого как дело семейное, а не государственной важности и поэтому не принимало этих дел к расследованию и не выносило судебных решений по ним. По указу II66 г. если пхинга обокрадет хозяина, то он передается хозяину и приговор ему по закону может быть вынесен только по просьбе хозяина. Как в семье кража одним из ее членов имущества у другого есть лишь перемещение объекта общесемейной собственности, которую представлял перед властями глава семьи, из одних рук в другие в пределах одной сферы действия прав собственности, так и в тех случаях, когда пхинга обкрадывал хозяина, он тоже лишь переносил вещь из одного места в другое в пределах одной сферы прав собственности - собственности хозяина, который владел им самим и его достоянием. Поэтому, если пхинга обворовывал постороннего для семьи хозяина человека, то его уже нельзя было передавать хозяину, а следовало наказывать по

закону⁴³. Данный указ нашел отражение и в кодексе законов, правда в измененном виде, в статье, в которой говорилось, что если пхинга или нини обокрадут хозяина, то хозяин обязан доложить о краже в управление. Управление проводило расследование дела, и, если оказывалось, что похищенное имущество действительно хозяйское, его возвращали хозяину, а пхинга или нини не получали от властей никакого наказания. Наказывал ли их хозяин, и если наказывал, то как, закон об этом умалчивает. Но если хозяин повторно заявлял о деле и просил вынести виновному приговор по закону, то вора наказывали в соответствии с законом, выполняя хозяйскую волю⁴⁴. Возможно, такая акция осмыслялась как акт передачи хозяином его прав на наказание принадлежащих ему людей государству.

В вопросе о праве на донос мы сталкиваемся с тем же взглядом на пхинга и нини как на родственников хозяина, членов его семьи. Пхинга и нини, как и младшие родственники хозяина, могли доносить на него в случае совершения им одного из "десяти преступлений" — особо тяжких преступлений против государя, государства и старших родственников, а также нравственности⁴⁵, наказуемых смертной казнью или пожизненными каторжными работами или иных тяжких преступлений, наказуемых также смертной казнью или пожизненными каторжными работами⁴⁶. О таких преступлениях хозяина, как государственная измена, пхинга или нини обязаны были донести, даже если знали о них не сами, а получили сведения от посторонних лиц⁴⁷. Но пхинга и нини не могли доносить о преступлениях хозяина, наказуемых более легкими мерами наказания, чем смертная казнь и пожизненные каторжные работы. В случае доноса о преступлении хозяина, наказуемом каторжными работами на срок свыше двух лет, доносчик или доносчица прлучали наказание на одну степень меньше, чем преступник, а за донос о преступлении, наказуемом каторжными работами на срок до двух лет, — то же самое наказание, что и хозяин-преступник⁴⁸. Точно так же выступать в качестве свидетелей против своего хозяина пхинга и нини могли только в тех случаях, когда

он обвинялся в таких преступлениях, о которых они имели официальное право доносить. Выступать против хозяина по другим делам им воспрещалось⁴⁹. Позднее, в первой четверти XIII в., права пхинга и нини на донос и дачу свидетельских показаний были расширены. Пхинга и нини получили право доносить на хозяина, если последний оказывался участником ограбления, наказуемого четырьмя годами каторжных работ и выше, или же совершал кражу имущества на сумму, за которую полагалось шесть лет каторжных работ⁵⁰. Они получили право выступать свидетелями в тех случаях, когда кто-то похитил жену у хозяина⁵¹. Показаний только пхинга или нини стало достаточно, чтобы начать следствие по делу о похищении жены у другого человека, не их хозяина⁵².

Правовая дееспособность в сфере предъявления доноса и дачи свидетельских показаний у пхинга и нини была ограничена в тех же пределах, что и дееспособность младших родственников преступника: "Не разрешается доносить друг на друга родственникам высших и низших степеней родства, которые обязаны носить друг по другу траур на срок начиная с девяти месяцев и более. Когда родственник низшей степени родства донесет на родственника высшей степени родства, то, если преступник должен получить наказание в пределах до двух лет [каторжных работ], независимо от меры полагающегося ему наказания доносчик наказывается двумя годами. Если по доносу [преступнику] полагается более суровое наказание, чем это, то [доносчик] получает наказание на одну степень меньшее, чем наказание, положенное преступнику"⁵³.

Хотя пхинга и нини являлись собственностью своих хозяев, они имели семьи и свое имущество, существование которого признавалось законом: "Если пхинга и нини сами выплачивают вознаграждение за донос и компенсацию за украденное ими у чужого человека [имущество], то [таковые] надлежит брать из числа их собственного скота и имущества"⁵⁴. Если пхинга и нини обокрали хозяина, а донес об этом посторонний человек, то награда за донос тоже взималась с преступника, т.е. с пхинга или нини. Если же они упла-

тить ее были не в состоянии, то только тогда за них платил их хозяин⁵⁵. Более того, пхинга, если он украл и продал или заложил имущество хозяина, был обязан возместить ему ущерб своим достоянием: "Что касается стоимости краденного, то, если пхинга лично сам имеет свои частные скот и имущество и в состоянии уплатить компенсацию, он должен отдать"⁵⁶. В определенных ситуациях, когда хозяин за свои личные проступки отвечал своим имуществом, он не должен был делать это за счет имущества пхинга и нини. Так, если хозяин оказывался виновным в совершении поджога по небрежности, то при возмещении ущерба он платил из той части имущества, которая "не является имуществом его жены, детей, невесток, пхинга и нини"⁵⁷.

Хозяин был заинтересован в сохранении имущества своих пхинга и нини, поскольку ущерб, причиненный им, означал убытки и для него. Об этом говорится в "Новых законах": "В «Кодексе законов» не указаны меры наказания в том случае, когда пхинга и нини одного и того же хозяина обокрадут друг друга. Поскольку похищение имущества пхинга есть причинение ущерба хозяину, то следует исходить из закона об ограблении пхинга или нини своего хозяина"⁵⁸.

Таким образом, пхинга и нини имели собственность, о которой даже говорится, что она "частная", и которая в некоторых ситуациях юридически четко отличалась от имущества их хозяина. Так, в случае совершения пхинга или нини государственной измены хозяин за них не отвечал, но имущество преступников не подлежало конфискации, а передавалось их хозяину. Нам в данном случае важно подчеркнуть, что оно выделялось из хозяйского, хотя хозяин имел права на пхинга и нини, да и, очевидно, на приносимый ими доход и их имущество, иначе оно шло бы в случае совершения ими государственной измены в пользу государства. Наказывая пхинга и нини за государственную измену, государство вторгалось в сферу иной — частной — собственности. Поэтому имущество преступников получал хозяин, а сами они, если их не казнили, ссылались, и, сколько пхинга и нини изымалось у данного хозяина и отправлялось на каторгу, столько же людей государство давало ему в возмещение

ущерба. Если у государства не было людей, оно платило за наказанных по рыночной цене стоимости человека в данной местности⁵⁹. Пхинга-изменники приравнивались к наложницам и по отбытии наказания каторжными работами возвращались хозяину⁶⁰.

Возмещение хозяину убытка от ссылки на каторгу его пхинга и нини в случае совершения последним государственной измены объясняется тем, что за большинство прочих преступлений, исключая наказание пожизненными каторжными работами и за кражу, пхинга и нини нигде не выслали, а оставляли работать у хозяина. Законом предусматривалось, что пхинга, нини, а также пастухи, земледельцы, лодочники, возчики в случае наказания их каторжными работами, пожизненными или за кражу, отправлялись в железном ошейнике весом около 3 кг на тяжелые работы. Если же их присуждали к каторжным работам не пожизненно и не за кражу, то их били палками, на них надевали железный ошейник весом около 1,5 кг и передавали обратно их владельцу. Государство при этом допускало одну оговорку: если в данной местности обнаружится нехватка рабочей силы, привлекаемой на трудовые повинности, она "должна быть восполнена за счет упомянутых выше пхинга, начиная с тех, чей срок отбытия наказания за совершенное преступление еще не окончился"⁶¹. Государство присущей ему властью карало виновных, но в случае совершения ими не особо тяжких преступлений не изымало их из собственности хозяина, ибо это наносило ущерб собственнику, лицу неповинному в совершении преступления. Но если хозяин вторгнулся в права государства, его наказывали. Так, хозяин, снявший до срока с пхинга ошейник, мог получить за это до года каторжных работ⁶².

Помимо собственности пхинга имели свою семью. Нини в текстах, в которых говорится о семье пхинга, не упоминаются. Это понятно: они женщины и иметь своей семьи, т.е. быть главой семьи, не могли. Так, когда пхинга совершал кражу и был не в состоянии платить за донос о ней и возмещать причиненный им ущерб, то, "если хозяин [пхинга] дорожит человеком и в состоянии заплатить деньгами, он

выплачивает компенсацию или же, по определении цены человеку и стоимости его труда, сам должен выделить средства для возмещения ущерба. Члены семьи пхинга не должны включаться в число лиц, направляемых для отработки вознаграждения за донос и компенсации за украденное имущество»⁶⁸. Доказательство наличия у пхинга и нини своих семей мы находим и в следующей статье. Если пхинга или нини предпринимали попытку к бегству, то из захваченного с собой скота и имущества получали долю те, кто донес на них или поймал их. Остальное имущество конфисковалось. Если же пхинга и нини только задумали бежать, то при конфискации их имущества и скота какая-то доля его, "если у них есть семья, должны быть отданы этой семье, а если семьи нет, то отдана их хозяину"⁶⁴. Наличие семьи у лично несвободных, принадлежавших частным лицам людей упоминается также и в следующей статье: если члены семьи человека, принадлежавшего частному лицу, не бежали вместе с ним, то они "не подвергаются ссылке за бегство, а должны быть возвращены прежнему владельцу"⁶⁵. Следовательно, как мы установили, пхинга имели семьи. Неясно только одни - были ли терминологически члены одной семьи лично несвободных частных людей: все мужчины - пхинга, а все женщины - нини, т.е. муж, глава семьи, и его сыновья и братья - пхинга, а его жена, дочери, сестры - нини. Думается, что это вполне допустимо, хотя определенных доказательств у нас нет.

Пхинга, глава семьи, не был полноправным хозяином над ее членами. Как и он сам, они принадлежали его хозяину и поэтому без его волеизъявления не могли покинуть семьи, например выйти замуж. "Пхинга, без разрешения хозяина и получения у него контракта (отпускной), запрещается передавать другому человеку или выдавать замуж за любого человека своим дочерей, сестер и теток по отцу. Если закон будет нарушен, виновному четыре года каторжных работ". Женщина вместе с родившимися у нее детьми должна быть возвращена владельцу"⁶⁶. Точно так же в отличие от глав семей - свободных людей пхинга не мог продать другому человеку женщину, члена своей семьи. "Пхинга, при-

надлежащему любому человеку, не спросив позволения хозяина и не взяв у него контракта (отпускной), запрещается по своей воле продавать другому человеку женщину [из своей семьи]: дочерей, невесток, теток по отцу, сестер. Если же [таковой] нарушит закон и продаст [без разрешения хозяина женщину из своей семьи], то [виновный] получает наказание на одну степень меньше, чем мера наказания, положенная за совершение тайной кражи на [такую же] сумму... Дети, родившиеся у каких-то из этих уж... роданных женщин, вместе с ними должны быть возвращены владельцу"⁶⁷.

Короче говоря, выдача замуж пхинга женщины из его семьи и тем более продажа ее рассматривались как посягательство на имущество его хозяина и соответственно продажа, например, рассматривалась прямо как кража, хотя юристы Ся и принимали во внимание родственные чувства и известные права главы семьи распоряжаться ее членами. Наказание все-таки было на одну степень меньше, чем за кражу. Он мог действовать только с разрешения своего хозяина, который давал отпускную-документ, удостоверяющий его отказ от своих прав собственности. "Если вышеназванный пхинга спросит позволение у своего хозяина или владельца и тот добровольно даст [ему] контракт (отпускную), то [ему] разрешается выдать замуж за любого человека или продать другому человеку женщину [из своей семьи] - дочь, невестку, тетку по отцу или сестру"⁶⁸.

У нас нет тому никаких свидетельств, кроме упомянутых выше, но, думается, что и свободу пхинга мог получить только с согласия хозяина, имея на то официальный документ - вольную. Лишь одна статья кодекса не очень определенно свидетельствует о том, что имелись случаи, когда государство могло вмешаться в права собственности хозяина и во имя высших государственных интересов дать, возможно, свободу пхинга. Если пхинга, попав в руки врага, "непреклонно и стойко держались [во вражеских пределах], то в порядке исключения [они] могут оставаться там, где они подчинились [нам]"⁶⁹, т.е., если пхинга бежал из страны, а затем возвращался, то он отдавался прежнему владельцу⁷⁰ в отличие от прочих пхинга, проявивших в

плону мужество и которых необязательно было возвращать хозяину.

Хозяева, укрывавшие чужих беглых пхинга и нини и эксплуатировавшие их труд, обязаны были заплатить их настоящим хозяевам за эту работу по твердой таксе. Стоимость одного дня работы пхинга, взрослого мужчины, в начале XIII в. оценивали в двести монет, взрослой женщины нини и подростка пхинга - в сто пятьдесят монет⁷¹.

В отличие от женщин нини мужчины пхинга до достижения совершеннолетия подлежали регистрации в тех гвонах, где они жили и работали. Они были потенциальными работниками и даже солдатами, и хозяевам скрывать их от учета, а возможно, и налогообложения запрещалось. "Если совершеннолетний пхинга, принадлежащий любому человеку, по достижении [им] совершеннолетия не будет занесен в списки гвона, а будет сокрыт, то всякий человек обязан довести об этом". Хозяин, сокрывший от учета совершеннолетних пхинга, наказывался за сокрытие десяти человек и более двумя годами каторжных работ⁷². Находясь постоянно во враждебном окружении, тангутское государство нуждалось в людях, об этом косвенно свидетельствуют многие статьи кодекса, такие, как запрет продажи людей за рубеж, законы о беглых из Ся и о приеме людей, подчинившихся Ся. Нехватка людей, видимо, даже постепенно росла. В начале XIII в. в связи с реальной угрозой татаро-монгольского завоевания пхинга получают большие льготы в случае поступления на военную службу. Богатые чиновники и армейские командиры, имевшие много людей, получили право "десять своих пхинга по двое объединять в пары и отбирать из [этого десятка] пятерых кандидатов на [военную] службу, дав каждому из них по жене"⁷³. Пхинга, выразивший желание служить в пограничных войсках, мог получить первый унтер-офицерский чин "направляющего", командира над пятью кандидатами на армейскую службу и даже получить ранг, что фактически означало превращение его из человека лично несвободного в свободного и полноправного, имеющего даже по сравнению с прочими свободными, "простыми людьми" привилегии, связанные с наличием ранга. За-

тем он мог перейти на службу в регулярную армию, что являлось также льготой и давало преимущества над военно-служащими так называемых "вспомогательных войск"⁷⁴.

В сфере своих личных имущественных интересов хозяин довольно широко мог распоряжаться своими пхинга и нини. Как и любой объект соотственности, их можно было дать в приданое за дочерью. Мы это знаем из негативного положения кодекса: "...если стороны, закрывающие брак, не пришли к обоюдному соглашению, силой забирать у родителей невесты в счет приданого дом, постройки, землю, пхинга и нини запрещается"⁷⁵. Пхинга и нини их хозяева свободно продавали и оставляли в залог. "Если любой человек заложит или продаст другому пхинга, нини, пахотные земли, постройки, то когда контракт (закладная или купчая) будет уже составлен, а деньги под залог или продажная цена еще не взяты, а тот, кто продавал или закладывал, изменит своему слову, то с имеющего ранг штраф — одна лошадь, простому человеку — тринадцать палок"⁷⁶. Без разрешения хозяина (вольной) пхинга и нини не могли стать монахом или монахиней соответственно. "Пхинга, принадлежащему любому человеку, без предоставления свидетельства о добровольном на то согласи его владельца или хозяина... становится монахом, ищущим спасения в дхарме, запрещается"⁷⁷. Пхинга, обманом, без разрешения хозяина, ставший монахом, подлежал смертной казни или наказывался каторжными работами на большой срок⁷⁸. Возможно, хозяин мог отдать пхинга или нини во временное пользование другому лицу, о чем говорит встречающееся в текстах различие понятий "хозяин" и "владелец", употребляющихся рядом. Но этот вопрос требует еще дополнительных исследований.

Поскольку пхинга были лично несвободными и презираемыми, государство также ограничивало их использование в определенных целях. Так мы знаем, что те пхинга, которые служили в армии, не должны были в большом числе использоваться для охраны внутренних дворцовых покоев и мест пребывания государя⁷⁹, детей пхинга запрещалось посылать учиться⁸⁰.

Итак, мы установили, что пхинга и нини, упоминаемые в тангутских юридических текстах, были основной группой принадлежащего частным лицам несвободного населения тангутского государства Великое Ся, подразделявшейся на лично несвободных мужчин — пхинга и женщин — нини. Кроме этих различий, которые диктовались различием по полу, а также за исключением неравного положения в семье, где старшинство принадлежало мужчине, мы не знаем разницы в статусе пхинга и нини. Хозяин имел полное право контроля над личной свободой пхинга или нини (мог их продать, заложить и т.п.), право на часть плодов их труда (хотя данный вопрос не отражен в наших документах, ибо степень эксплуатации частных людей считалась вне компетенции государства), мог наказывать их за ослушание его приказов. Он не мог лишить по своему произволу пхинга или нини жизни, сокрыть пхинга от государственного учета. Пхинга и нини имели свой скот и имущество, пхинга — свою семью, членами которой он не мог распоряжаться только по своему усмотрению, имели право доносить на хозяина о замысле совершить или о совершении им особо тяжких преступлений и выступать в качестве свидетелей при рассмотрении дел по таким преступлениям. Пхинга, получив вольную от хозяина, могли служить во вспомогательных войсках или исполнять тяжелые работы в регулярной армии. Позднее они могли получить младший офицерский чин и ранг, что, очевидно, значило, что они могли быть полноправными солдатами регулярной армии и свободными людьми Ся. В середине XII в. детей пхинга не посылали учиться, а сами пхинга лишь в ограниченном числе могли нести караульную службу при особе государя. Пхинга и нини, безусловно, относились к категории "презираемых", известных в дальневосточном праве как "цзяньминь", "сэммин" и т.д., хотя данный термин в тангутском кодексе нам не встречался. Их статус был ниже статуса простого, лично свободного, не имеющего рангов за службу человека. В формулах, описывающих имущество, они приравнивались к скоту и прочему движимому и недвижимому имуществу, хотя, конечно, тангутское право не рассматривало пхинга и нини как вещь и их хозяин не имел

над ними такого же права, как над вещью. Но, как и "чужеземцы", "враги", по-тангутски буквально "дикие животные", в отличие от соплеменников, людей, пхинга и нини были неполноценными людьми и стояли где-то между скотом и полноправными, лично свободными людьми, ибо закон о приплоде трактовал нини абсолютно так же, как самку животного. Вместе с тем по многим социальным категориям пхинга и нини приравнивались к жене и низшим родственникам, членам семьи хозяина, его невесткам и т.п. Пхинга (думается, что и нини тоже) обязаны были носить траур в случае смерти хозяина, как и его родня, их правовой статус в общественном представительстве (донос, свидетельские показания) был идентичен с правами младших родственников хозяина. В этом сказалась присущая тангутскому обществу патриархальность, идущая из его недр, когда несвободный рассматривался как член семьи хозяина, хотя и неполноправный.

Следует сказать, что такая трактовка ряда лично несвободных (бущуй, кэнуй и др.) была присуща и китайскому праву и могла быть просто заимствована тангутами из последнего, правда, по нашему мнению, найдя в тангутском обществе соответствующую реальную почву для своего бытования.

Мы, к сожалению, ничего не знаем о том, в какой сфере производства трудились в основном пхинга и нини, обрабатывали ли они хозяйскую землю или были только ремесленниками, слугами, домашними работниками и т.п.

Мы не ставили вопроса и о том, рабы ли пхинга и нини или крепостные. Многие исследования разных обществ последних лет, от древневосточных до некоторых современных, показали полную условность граней между первыми и последними. Формы личной несвободы и зависимости были самыми различными, так же как и те или иные права, которые общество предоставляло лично несвободным в разных сферах общественной и хозяйственной деятельности. Мы представляем сведения о пхинга и нини, ставшие доступными нам лишь совсем недавно, на суд читателей как просто сведения о пхинга и нини, одних из лично несвободных

членов тангутского общества, одного из средневековых обществ Центральной Азии.

Примечания

¹ См.: Е.И.Кичанов. Очерк истории тангутского государства. М., 1968, с. 105-107.

² Н и с и д а Т а ц у о. Сэйка го-но кэнкы. I. Токио, 1968, с. 168. Нисида Тацуо не понял, что это социальный термин, и перевел данное словосочетание как сказуемое с обстоятельством времени: "постоянно предоставлено Буддам".

³ "Новые законы". Гл. XV. Тангутский фонд ЛО ИВАН, инв. № 748, с. 3.

⁴ Л.И.Чугуевский И. Хозяйственные документы буддийских монастырей в Дуньхуане. - Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. УИ годичная научная сессия ЛО ИВАН. М., 1972, с. 61-64.

⁵ О нем см.: Тангутские рукописи и ксилографы. Сост. Э.Н.Горбачева и Е.И.Кичанов. М., 1968, с. 68-86; Е.И.Кичанов. Из истории тангутского права ("десять преступлений" китайского права в тангутском кодексе XII в.). - ПНВ. 1970.М., 1974, с.809-328.

⁶ "Измененный и заново утвержденный кодекс законов Девиза царствования Небесное процветание (II49-II69)". Тангутский фонд ЛО ИВАН. Гл. I, с. 4а.

⁷ "Новые законы". Гл. III, инв. № 2819, с. 58.

⁸ "Измененный и заново утвержденный кодекс законов". Гл. I, с. 28а.

⁹ Там же, гл. VII, с. 22а.

¹⁰ Тангутский фонд ЛО ИВАН, инв. № 4189, с. 4.

¹¹ "Измененный и заново утвержденный кодекс". Гл. VII, с. 86-9а.

¹² Там же, гл. XX, с. 76-8а.

¹³ Там же, гл. XIII, с. 30а.

¹⁴ Г в о н - административная или производственная единица (от кит. "вань" - "двор, усадьба"), на которые было распределено все служилое и трудовое население тангутского государства.

- 15 "Измененный и заново утвержденный кодекс". Гл. XII, с. 3а.
- 16 "Новые законы". Гл. XIII, инв. № 827, с. 12б.
- 17 "Измененный и заново утвержденный кодекс". Гл. XII, с. 2б.
- 18 Там же, гл. УШ, с. 27б.
- 19 Там же, гл. Ш, с. 34а.
- 20 Там же, гл. У1, с. 31а.
- 21 Там же.
- 22 Там же, гл. УШ, с. 16б.
- 23 Там же, гл. УЦ, с. 5б.
- 24 Там же, с. 6б-7а.
- 25 Там же, гл. IX, с. 45б.
- 26 Там же, гл. XI, с. 42б-48а.
- 27 Тангутский фонд ДО ИВАН, инв. № 4189, с. 40-46.
- 28 "Измененный и заново утвержденный кодекс". Гл. XX, с. 8а-8б. По крайней мере две из цитированных нами выше статей наводят на мысль о том, что "Измененный и заново утвержденный кодекс" был окончательно составлен, обнародован и введен в силу с 1169 г. Действительно, решение властей запрещало делать ни ни хеной и усыновлять прижитых от нее детей еще в 1168 г., а "Кодекс" разрешает это. Указ о праве пхинга по получении вольной от хозяина вступать во вспомогательные войска был опубликован в 1167 г., как это явствует из изложения его сути в тексте рукописи под инв. № 4189 (с. 38), и соответствующую статью об этом праве мы находим в "Кодексе". Таким образом, можно сделать вывод о том, что наш основной источник по тангутскому праву - "Измененный и заново утвержденный кодекс законов Девиза царствования Небесное процветание (1149-1169)" - должен датироваться точно 1169 г., а не каким-то годом в двадцатилетие между 1149-1169 гг.
- 29 E. G. P u l l e y b l a n k. *Origins and nature of chattel Slavery in China.* - JESHO. Vol. I. P. 2. 1958, April, с. 203.
- 30 В. О. К л ю ч е в с к и й. *Сочинения.* Т. 6. М., 1959: "...холоп - для мужчины, раба - для женщины", "в юридических памятниках не встречаются или редко встречаются формы раб и холопка" (с. 154).
- 31 "Измененный и заново утвержденный кодекс". Гл. УШ, с. 26б-27а.

- 82 Там же, гл. XII, с. 16-2а.
- 83 Там же, гл. XIII, с. 16а-16б.
- 84 "Новые законы". Гл. XIII, инв. № 827, с. 14а.
- 85 "Измененный и заново утвержденный кодекс". Гл. УП, с. 16б.
- 86 Там же, гл. I, с. 14а.
- 87 Там же, гл. XIII, с. 6а-6б.
- 88 Там же, гл. XIII, с. 4а.
- 89 Там же, с. 7б-8а.
- 40 Там же, с. 8а.
- 41 Там же, гл. XX, с. 8б.
- 42 Там же, гл. II, с. 26б.
- 48 Тангутский фонд ЛО ИВАН, инв. № 4189, с. II.
- 44 "Измененный и заново утвержденный кодекс". Гл. III, с. IIб-12а.
- 45 Е.И.К и ч а н о в. Из истории тангутского права..., с. 309-326.
- 46 "Измененный и заново утвержденный кодекс". Гл. XIII, с. 16-2а.
- 47 Там же, с. 16б-17а.
- 48 Там же, с. 6а.
- 49 Там же, с. 6б-7а.
- 50 "Новые законы". Гл. III, инв. № 2819, с. 8-9.
- 51 Там же, гл. VI, инв. № 827, с. 35-36.
- 52 Там же, гл. IX, с. 57-58.
- 58 "Измененный и заново утвержденный кодекс". Гл. XIII, с. 4а-4б.
- 54 Там же, гл. III, с. 21а-21б.
- 55 Там же, с. 12а.
- 56 Там же, с. 21б-22а.
- 57 Там же, гл. УШ, с. 2б-3а.
- 58 "Новые законы": Гл. III, инв. № 2819, с. 12.
- 59 "Измененный и заново утвержденный кодекс". Гл. I, с. 9а.
- 60 Там же, с. 10а-10б.

- 61 Там же, гл. II, с. 29б-30а.
- 62 Там же, с. 8I а.
- 63 Там же, гл. III, с. 2Iа-2Iб.
- 64 Там же, гл. УП, с. IOа.
- 65 Там же, с. I8а.
- 66 Там же, гл. XII, с. 2а-2б.
- 67 Там же, с. Iб-2а.
- 68 Там же, с. 2б.
- 69 Там же, гл. УП, с. 5а.
- 70 Там же, с. 3а-3б.
- 71 "Новые законы". Гл. XIII, инв. № 827, с. Iбб.
- 72 "Измененный и заново утвержденный кодекс". Гл. VI, с. 30б.
- 73 "Новые законы". Гл. VI, инв. № 827, с. 22.
- 74 Там же, с. 23.
- 75 "Измененный и заново утвержденный кодекс". Гл. УП, с. 27б-28а.
- 76 Там же, гл. XI, с. I8б.
- 77 Там же, с. 33а.
- 78 Там же, с. 39б-40а.
- 79 Там же, гл. XII, с. I8б.
- 80 Там же, гл. X, с. I8б.